

Александр ДЮМА

История
знаменитых преступлений

Александр Дюма

**История знаменитых
преступлений (сборник)**

«Public Domain»

Дюма А.

История знаменитых преступлений (сборник) / А. Дюма —
«Public Domain»,

«Знаменитые преступления» Александра Дюма-отца, быть может, известны менее его романов, однако не менее значимы в его творчестве. Это собрание интригующих историй о знаменитых преступниках и преступлениях в европейской истории – от эпохи Возрождения до XIX столетия, от Англии до России – представляет читателю живописную и устрашающую картину яростных страстей и ярких событий. Вся человеческая мудрость заключается в двух словах: ждать и надеяться.

Содержание

Семейство Ченчи	5
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Александр Дюма

История знаменитых преступлений

Семейство Ченчи

Если вы приедете в Рим и, конечно, посетите виллу Памфили, то, поискав там под высокими соснами и у каналов тени и прохлады, которые так редки в столице христианского мира, вы отправитесь на холм Джаникуло по прелестной дороге и на середине ее увидите источник Паолины. Миновав этот памятник и задержавшись на минуту на террасе церкви Сан-Пьетро-ин-Монторио, возвышающейся над Римом, вы посетите монастырь Браманте¹, в центре которого в небольшой впадине, на том самом месте, где был распят апостол Петр, построен маленький храм, полугреческий-полухристианский; затем через боковую дверь вы войдете в самую церковь. Там чичероне заставит вас посмотреть в первом приделе справа «Бичевание Христа» Себастьяно дель Пьомбо², а в третьем приделе слева «Христа во гробе» Фьяминго; дав вам вволю налюбоваться этими двумя шедеврами, он проведет вас по всем четырем концам нефа и трансепта и продемонстрирует в одном картину Сальвиати, писанную в серо-жемчужных тонах, а в другом холст Вазари, потом, приняв скорбный вид, он покажет вам над главным алтарем копию «Мученичества святого Петра» Гвидо и сообщит, что в течение трех столетий здесь любовались «Преображением» божественного Рафаэля, которое в 1809 году было похищено французами, а в 1814 возвращено союзниками папе. Но поскольку вы, очевидно, уже восхищались этим шедевром в Ватикане, не мешайте ему говорить и поищите у алтаря надгробную плиту, которую вы распознаете по кресту и одному-единственному слову «Orate»³; под этой плитой погребена Беатриче Ченчи, чья трагическая история, несомненно, произведет на вас глубокое впечатление.

Она была дочерью Франческо Ченчи. И если кто-то верит, что люди рождаются в гармонии со своим временем, причем одни это понимают в хорошем смысле, а другие иначе, то, может быть, нашим читателям будет любопытно бросить взгляд на период, предшествующий тому, когда произошли события, о которых мы намерены рассказать. И тогда Франческо Ченчи предстанет перед ними как дьявольское воплощение своей эпохи.

11 августа 1492 г., после продолжительной агонии Иннокентия VIII⁴, во время которой на улицах Рима было совершено двести двадцать убийств, на папский престол взошел Александр VI. Сын сестры папы Каликста III⁵, Родриго Ленцоли Борджа, прежде чем стать кардиналом, прижил пятерых детей с римлянкой Ванощей Катанеи, которую впоследствии выдал замуж за богатого римлянина. Вот его дети:

Джованни, который был герцогом Гандии.

Чезаре, который был епископом, кардиналом, а потом герцогом Валентинуа.

Лукреция, побывав сперва любовницей отца и обоих братьев, четырежды выходила замуж: в первый раз за Джованни Сфорца, владельца Пезары, которого оставила по причине его импотенции; во второй – за Альфонсо, герцога Бичелья, которого Чезаре приказал убить;

¹ *Браманте, Донато* (1444–1514) – итальянский архитектор. В 1502 г. построил во дворе церкви Сан-Пьетро-ин-Монторио упоминаемый А. Дюма небольшой храм, называемый Темплетто, т. е. «храмик», шедевр архитектуры Высокого Возрождения. (Здесь и далее примеч. переводчиков, кроме специально оговоренных случаев.)

² Здесь и ниже Дюма упоминает итальянских художников периода Возрождения: *Себастьяно дель Пьомбо* (1485–1547), *Чекко Росси де Сальвиати* (1510–1563), *Гвидо Рени* (1575–1642), *Джорджо Вазари* (1511–1574).

³ Молитесь (лат.).

⁴ *Иннокентий VIII* (1432–1492) – римский папа с 1484 г.

⁵ *Каликст III (Альфонсо Борха)* – римский папа в 1455–1458 гг.

в третий за Альфонсо д'Эсте, герцога Феррарского, с которым она также развелась; наконец, в четвертый – за Альфонса Арагонского, который сперва был пронзен кинжалом на ступенях базилики Св. Петра, а через три недели удушен, так как слишком долго не желал умирать от ран, хотя те были смертельными.

Гофредо, граф Скуиллаче, о котором почти ничего не известно.

И наконец, последний, о котором не известно совершенно ничего.

Самым знаменитым из троих братьев был Чезаре Борджа; он все подготовил к тому, чтобы стать после смерти отца королем Италии, и меры были приняты им такие, что не оставалось никаких сомнений в успехе этого грандиозного плана. Предусмотрены были все обстоятельства, кроме одного, но, чтобы предвидеть его, надо было быть дьяволом. Однако пусть читатель судит сам.

Папа пригласил кардинала Адриана отужинать на своем винограднике в Бельведере. Кардинал Адриан был безмерно богат, и папа жаждал стать его наследником, как уже стал наследником кардиналов Сант-Анджело: Капуанского и Моденского. Для этой цели Чезаре Борджа прислал отцовскому кравчему две бутылки отравленного вина, однако не поставил его в известность о том, что оно отравлено, а лишь распорядился подать это вино только тогда, когда будет приказано; к несчастью, кравчий на минуту удалился, а в это время ничего не подозревающий слуга налил вина из одной из этих бутылок папе, Чезаре Борджа и кардиналу Корнето.

Александр VI скончался через несколько часов; Чезаре Борджа долго был прикован к постели, и у него слезла вся кожа; кардинал же Корнето, утратив зрение и способность пользоваться остальными органами чувств, тяжело заболел и уже думал, что умрет.

Александру VI наследовал Пий III; он пробыл на папском престоле двадцать пять дней, а на двадцать шестой был отравлен.

Чезаре Борджа опирался на восемнадцать испанских кардиналов, которые были обязаны ему избранием в священную коллегию; они безоговорочно стояли за него, и он мог распоряжаться ими, как хотел. Но поскольку он все еще был при смерти и не в силах воспользоваться ими в своих целях, он продал их голоса Джулиано делла Ровере, и тот был избран папой под именем Юлия II. Рим Нерона сменили Афины эпохи Перикла.

Лев X⁶ продолжал линию Юлия II, и христианство в период его понтификата приняло языческий характер, что придало эпохе, ежели перейти от искусства к нравам, несколько странный оттенок. Злодеяния мгновенно прекратились, уступив место порокам, но порокам очаровательным, в хорошем вкусе, вроде тех, которым предавался Алкивиад⁷ и которые воспевал Катулл⁸. Лев X умер, пробыв на папском престоле восемь лет восемь месяцев и девятнадцать дней и собрав за это время в Риме Микеланджело, Рафаэля, Леонардо да Винчи, Корреджо, Тициана, Андреа дель Сарто, Фрате, Джулио Романо, Ариосто, Гвиччардини и Макиавелли⁹.

После его смерти за избрание соперничали Джулио Медичи и Помпео Колонна. Поскольку оба были опытные политики и ловкие царедворцы, а кроме того, практически равны по своим достоинствам, ни один из них долго не мог получить большинства, и конклав все длился, к великому неудовольствию кардиналов. И вот однажды некий кардинал, видимо утомившийся более других, предложил вместо Медичи или Колонны избрать сына, одни говорят, ткача, а другие – пивовара из Утрехта, о котором никто до сей поры и не думал и который в

⁶ Лев X (*Джованни Медичи*) (1475–1521) избран папой на конклаве в 1513 г.

⁷ *Алкивиад* (451–404 до н. э.) – афинский государственный деятель и полководец, ему приписывается склонность к мужеложству.

⁸ *Гай Валерий Катулл* (ок. 87 – ок. 54 до н. э.) – римский поэт.

⁹ *Корреджо* (*Аллегро Антонио*) (ок. 1489–1534); *Тициан Тициано Вечелли* (ок. 1476/1477—1576); *Андреа дель Сарто* (1486–1530); *Фрате* – прозвище *Бартоломмео делла Порта* (1472 или 1475–1517); *Джулио Романо* (*Джулио Пинти*) (1492 или 1499–1546) – итальянские художники, работавшие в Риме. *Ариосто*, *Лудовико* (1474–1533) – итальянский поэт, автор поэмы «Неистовый Роланд». *Гвиччардини*, *Франческо* (1483–1540) – итальянский философ-гуманист, историк («История Италии»). *Макиавелли*, *Никколо* (1469–1527) – итальянский политический мыслитель, писатель, сторонник объединения Италии.

ту пору был, в отсутствие Карла V, правителем Испанского королевства. Шутка имела успех; кардиналы обрадовались предложению, и вот так, по чистой случайности, Адриан¹⁰ стал папой.

То был подлинный фламандец, не знавший ни слова по-итальянски. Когда он прибыл в Рим и увидел шедевры греческих ваятелей, с огромными затратами собранные Львом X, то хотел отдать приказ разбить их, воскликнув: «Sunt idola antiquorum!»¹¹ Первейшей его заботой была посылка на имперский сейм в Нюрнберг, собравшийся по причине вызванного Лютером возмущения, нунция Франческо Керегати с инструкциями, которые вполне дают представление о нравах той эпохи.

«Чистосердечно признайте, – велел папа, – что Господь попустил сей раскол и смятение по причине грехов людей, особливо священнослужителей и князей церкви, ибо ведомо нам, что в курии происходит множество мерзостей».

Адриан хотел вернуть римлян к простым и строгим нравам времен раннего христианства и с этой целью подготовил разработанную до мелочей реформу. К примеру, из ста конюхов, которые были у Льва X, он оставил только двенадцать, и то лишь затем, чтобы, как он сказал, иметь на два конюха больше, чем у кардиналов.

Такой папа не мог долго править и умер через год после избрания. Назавтра после смерти дверь дома папского врача была украшена цветочными гирляндами с надписью: «Избавителю отечества».

Джулио Медичи и Помпео Колонна вновь вступили в соперничество. Опять начались интриги, конклав опять разделился, причем до такой степени, что кардиналы стали уже подумывать, а не стоит ли, дабы выйти из создавшегося положения, снова прибегнуть к однажды использованному средству, то есть избрать третье лицо; уже стали поговаривать о кардинале Орсини, но тут Джулио Медичи придумал достаточно невинную уловку. Ему не хватало пяти голосов; пять его сторонников предложили пяти сторонникам Колонны пари: они ставили сто тысяч дукатов против десяти тысяч, что Джулио Медичи не будет избран. В первом же после этого пари туре выборов Джулио Медичи получил пять недостававших ему голосов, но претензий тут никаких быть не могло: кардиналы отнюдь не продали голоса, они всего-навсего заключили пари.

В результате 18 ноября 1523 года Джулио Медичи был провозглашен папой под именем Климента VII. В тот же день он благородно уплатил пятьсот тысяч дукатов, проигранных его сторонниками.

В его понтификат, в один из тех семи месяцев, когда Рим, взятый солдатами-лютеранами коннетабля де Бурбона¹², с ужасом взирал, как оскверняются самые святые реликвии, родился Франческо Ченчи.

Он был сыном мессира Ченчи, апостолического казначея в понтификате Пия V. Этот папа куда больше был занят духовными вопросами, нежели мирскими делами своего государства, и Никколо Ченчи весьма успешно воспользовался безразличием святейшего отца к светской стороне жизни, сколотив себе состояние, дававшее доход в сто шестьдесят тысяч пиастров, то есть в два с половиной миллиона франков по теперешнему курсу. Франческо Ченчи, бывший его единственным сыном, унаследовал все это богатство.

Юность его прошла при папах, которые так были заняты лютеровой схизмой, что у них просто не было времени подумать о чем-либо другом. Поэтому дон Франческо Ченчи, родив-

---

¹⁰ Адриан Дедел (1459–1523) – воспитатель императора Священной Римской империи Карла V, по настоянию которого в 1522 г. он был избран папой под именем Адриана VI.

¹¹ Это же древние идолы! (лат.)

¹² Герцог де Бурбон Шарль (1490–1527) – коннетабль (главнокомандующий войсками) французского короля Франциска I, вступил в тайные сношения с императором Карлом V и после разоблачения бежал к испанцам, был назначен императором командующим имперской армией в Италии, в 1527 г. осадил Рим и во время осады был убит. Имперские войска, состоявшие по большей части из немецких наемников, взяли город и подвергли его чудовищному разграблению.

шись с дурными задатками и будучи притом обладателем огромного состояния, которое обеспечивало ему безнаказанность, имел возможность следовать всем побуждениям своего пылкого и необузданного темперамента. Трижды оказавшись в тюрьме по причине своих гнусных любовных наклонностей, он выходил из нее, платя за это примерно по двести тысяч пиастров, то есть три миллиона франков. Надо заметить, что в ту эпоху папы крайне нуждались в деньгах.

Серьезно начали заниматься Франческо Ченчи при папе Григории XIII¹³. И то сказать, понтификат наилучшим образом подходил для того, чтобы добиться дурной славы, к которой стремился этот странный донжуан. В правление болонца Бонкомпаньи в Риме было позволено все при условии, что человек мог заплатить и убийце и судьям. Насилие и душегубство стали настолько обычным делом, что правосудие практически не занималось подобными пустяками, ежели на месте не оказывалось никого, чтобы преследовать преступника; зато Господь вознаграждал доброго Григория XIII за его снисходительность – доставил ему радость узреть Варфоломеевскую ночь.

В ту пору Франческо Ченчи было уже года сорок четыре – сорок пять; росту он был около пяти футов четырех дюймов, хорошо сложен и очень силен, хотя с виду худощав. Волосы у него были с проседью, глаза большие и выразительные, правда, верхние веки несколько тяжеловаты, нос длинный, губы тонкие, улыбка приятная; впрочем, она очень легко меняла выражение и становилась злобной, ежели его взгляд встречал врага; тогда, а равно при незначительном даже волнении или гневе его начинала бить нервическая дрожь, которая продолжалась, хотя и куда слабее, еще долго после того, как приступ, вызвавший ее, прекращался. Ловкий во всех телесных упражнениях, особенно в верховой езде, он неоднократно проезжал из Рима в Неаполь без остановки, хотя расстояние между этими городами составляет сорок одно лье, причем ехал через леса Сан-Джермано и Понтинские болота, ничуть не тревожась из-за разбойников, а ведь несколько раз он этот путь проделывал один, вооруженный только шпагой или кинжалом. Когда конь его падал от усталости, он покупал другого, а ежели продавать не хотели – брал силой; в случае сопротивления наносил удар, и всегда сталью, а не кулаком. Впрочем, поскольку во всех владениях, принадлежащих его святейшеству, хорошо знали и самого Ченчи, и его щедрость, никто не противился его воле – одни движимые страхом, другие корыстью. Нечестивец, богохульник и атеист, он никогда не ходил в церковь, а уж если заглядывал туда, то лишь ради какого-нибудь богохульства. Ходили толки, что он жаден до всяких нелепостей и несообразностей и что нет такого преступления, которого он не совершил бы, ежели полагал, что оно позволит ему испытать какое-нибудь новое ощущение.

В возрасте около сорока пяти лет он женился на одной очень богатой женщине, имени которой не приводит ни один из хронистов. Она скончалась, оставив ему семь детей – пятерых сыновей и двух дочек. После ее смерти он женился вторым браком на Лукреции Петрони; у нее была ослепительно белая кожа, и она являла собой совершенный тип римской красоты. Второй его брак был бездетным.

Франческо Ченчи ненавидел своих отпрысков, как если бы ему были совершенно чужды все естественные человеческие чувства, и даже не пытался скрывать ненависть, которую к ним питал. Он велел построить во дворе своего великолепного дворца, расположенного неподалеку от берега Тибра, церковь во имя св. Фомы и однажды, велев архитектору показать план склепа, бросил: «Вот сюда я надеюсь всех их уложить». Архитектор впоследствии признавался, что пришел в ужас от зловещего смеха, каким Франческо Ченчи сопровождал свое высказывание, и что, если бы не большие деньги, которые ему предстояло получить, он тут же отказался бы продолжать строительство.

Чуть только старшие его сыновья Джакомо, Кристофоро и Рокко выросли, он тут же отослал их в Испанию в Саламанкский университет; очевидно, Франческо полагал, что достаточно

---

¹³ Григорий XIII (Уго Бонкомпаньи) (1512–1586) – папа с 1572 г., ввел современный (григорианский) календарь.

их удалить – и он навсегда избавится от них; едва они уехали, он перестал думать о них и даже посылать им содержание. После нескольких месяцев борьбы с нищетой трем несчастным юношам пришлось покинуть Саламанку; пешком, босые, прося по пути подаяние, они пересекли всю Францию и Италию, возвратились в Рим и обнаружили, что отец стал еще более суровым, непримиримым, жестоким, чем прежде.

То были первые годы правления Климента VIII¹⁴, славившегося справедливостью. Молодые люди решили обратиться к нему с прошением, чтобы его святейшество повелел их отцу назначить им из своих огромных богатств хотя бы небольшую пенсию. Они приехали во Фраскати, где папа строил прекрасную виллу Альдобрандини, и представили ему свою просьбу; папа признал их правоту и повелел Франческо выплачивать каждому из них пенсию в две тысячи экю. Франческо всеми правдами и неправдами пытался обойти это решение, но получил настолько точный приказ, что ему оставалось только подчиниться.

Как раз в это время он в третий раз был заключен в тюрьму за свои гнусные любовные похождения. Трое его сыновей вновь обратились к папе, утверждая, что отец бесчестит их имя, и умоляя применить к нему закон во всей его строгости. Папа счел такой поступок сыновей чудовищным и с позором прогнал их с глаз. Франческо же и на этот раз, как дважды до этого, уплатив большие деньги, вышел из тюрьмы.

Само собой разумеется, подобные прошения не способствовали тому, чтобы ненависть, какую испытывал Франческо к своим детям, превратилась в любовь, но поскольку сыновья, обретшие независимость благодаря получаемой ими пенсией, имели возможность избежать злобы отца, гнев его обратился на двух несчастных дочерей. Вскоре их положение стало до такой степени невыносимым, что старшая, хотя за ней был очень суровый надзор, сумела переслать папе слезное прошение, в котором рассказывала о чудовищном обращении с нею и умоляла его святейшество выдать ее замуж либо поместить в монастырь. Климент VIII жалился над ней; он заставил Франческо Ченчи дать дочери в приданое шестьдесят тысяч экю и выдал ее за Карло Габриелли из благородного рода Губбио. Франческо чуть было не сошел с ума от злости, что у него вырвали эту жертву.

К тому времени смерть освободила его от двух детей; Рокко, а примерно год спустя и Кристофоро были убиты: один – колбасником, имя которого не сохранилось; второй – Паоло Корсо ди Масса. Это хоть в какой-то мере утешило Франческо, который и после смерти преследовал сыновей своей скарденностью: он объявил священникам, что не возместит церкви ни гроша из расходов на похороны. Умерших опустили в склеп, который Франческо сам приготовил для них, в гробах, предназначенных для нищих; увидев их, лежащих рядом, он воскликнул, что уже вполне счастлив, поскольку избавился от двух столь мерзких тварей, но полное счастье изведает, только когда остальные пятеро детей улягутся рядышком с первыми двумя, а когда умрет последний, он в знак радости устроит иллюминацию у себя во дворце, предав его огню.

Тем не менее Франческо принял все предосторожности, чтобы вторая дочь его Беатриче Ченчи не последовала примеру старшей. В ту пору Беатриче было лет двенадцать-тринадцать, она была прекрасна и невинна, как ангел. Длинные светлые волосы того дивного оттенка, который настолько редок в Италии, что Рафаэль почитал его божественным и придавал всем своим мадоннам, обрамляя лицо восхитительного очертания и крупными кудрями струились у нее по плечам; лазурно-голубые глаза сияли небесной добротой; она была среднего роста, но сложена очень пропорционально, и в те редкие мгновения, когда не плакала и могла высказать свой природный нрав, становилось ясно, что у нее живой, жизнерадостный, ласковый, но в то же время твердый характер.

Для вящего своего спокойствия Франческо держал ее взаперти в комнате, отделенной от остального дворца, и ключ от этой комнаты был только у него. Каждый день этот странный,

---

¹⁴ *Климент VIII (Ипполито Альдобрандини) (1536–1605) – римский папа с 1592 г.*

непреклонный тюремщик навещал ее, принося еду. До того как ей исполнилось тринадцать лет, Франческо был с нею неумолимо суров, но вскоре, к удивлению несчастной Беатриче, стал ласковым. А произошло это потому, что Беатриче из ребенка превратилась в девушку, ее красота раскрылась, как цветок, и Франческо, не страшившийся никакого преступления, остановил на ней похотливый взор, кровосмесительный выбор.

Само собой разумеется, что при том воспитании, какое получила Беатриче, лишенная общения с людьми и даже с мачехой, она пребывала в полном неведении относительно добра и зла, и погубить ее было легче, нежели кого-либо другого; тем не менее Франческо, чтобы добиться своей дьявольской цели, пустил в ход всю свою изобретательность.

В течение некоторого времени Беатриче каждую ночь просыпалась от сладостной музыки, доносившейся, казалось ей, из рая. Когда она заговорила об этом с отцом, он не разрушил ее иллюзию и только добавил, что ежели она будет ласковой и покорной, то по особой милости Господа не только услышит райскую музыку, но и увидит сам рай.

Действительно, однажды ночью, когда Беатриче, лежа в постели, внимала чарующей гармонии, дверь ее комнаты внезапно растворилась, и взгляд ее из темноты проник в ярко освещенные залы, наполненные ароматами, какие вдыхаешь в снах; по залам прохаживались прекрасные юноши и женщины, излучавшие, казалось, радость и счастье; они были полунагие, как на виденных ею полотнах Гвидо и Рафаэля; то были миньоны и фаворитки Франческо, который при своем поистине королевском богатстве каждую ночь устраивал оргии, подобные оргиям Александра Борджа на свадьбах Лукреции и распутству Тиберия¹⁵ на Капри. Через час дверь затворилась, скрыв соблазнительные картины и оставив Беатриче в изумлении и тревоге.

Следующей ночью все повторилось с той лишь разницей, что на сей раз Франческо вошел в комнату дочери и пригласил ее принять участие в празднестве. Франческо был голый. Сама не зная почему, Беатриче поняла, что поступит скверно, уступив настояниям отца, и ответила, что не видит среди этих женщин Лукрецию Петрони, свою мачеху, а потому не смеет встать с постели и выйти к незнакомым людям. Франческо угрожал и умолял, но и угрозы, и мольбы оказались безуспешными. Беатриче завернулась в простыни и наотрез отказалась подчиниться отцу.

Назавтра она легла в постель одетая. В обычный час дверь отворилась, и Беатриче вновь увидела ту же картину. Но теперь среди женщин, прогуливавшихся у дверей Беатриче, была и Лукреция Петрони: муж силой принудил ее к этому позору. Беатриче находилась слишком далеко, чтобы видеть ее слезы и краску стыда. Франческо указал дочери на мачеху, которую она тщетно искала вчера, и поскольку девочке нечего было возразить, он повел ее, зардевшуюся и смущенную, туда, где происходила оргия.

Там Беатриче увидела вещи доселе неведомые и омерзительные!

Тем не менее она долго сопротивлялась: некий внутренний голос подсказывал ей, что все это чудовищно, но Франческо была свойственна неспешная настойчивость демона. Эти картины, которые, как он полагал, способны пробудить чувственность девочки, он сопровождал и лживыми измышлениями, дабы ввести ее в заблуждение; он говорил ей, что все величайшие святые, которых чтит христианская церковь, рождены от сожительства отца с дочерью, и Беатриче совершила преступление, даже не подозревая, какой это грех.

С тех пор грубости и свирепости Франческо не было предела: он принудил Лукрецию и Беатриче одновременно делить с ним ложе, пригрозив жене убить ее, если она хоть словом обмолвится дочери, сколь чудовищно такое совместное сожительство. Так все и продолжалось в течение почти трех лет.

И тут Франческо потребовалось на время уехать, и женщины остались одни. Первое, что сделала Лукреция, – открыла Беатриче глаза на всю постыдность их жизни; и тогда они напи-

---

¹⁵ *Тиберий* (42 г. до н. э. – 37 г. н. э.) – римский император с 14 г. н. э. С 26 г. безвыездно пребывал на о. Капри.

сали папе совместное прошение, в котором рассказывали, сколько им пришлось вынести издевательств и побоев. Однако Франческо Ченчи принял перед отъездом меры предосторожности: все, кто окружал папу, были либо подкуплены, либо надеялись на мзду. Жалоба не дошла до его святейшества, и несчастные женщины, припомнив, как Климент VIII некогда прогнал с глаз Джакомо, Кристофоро и Рокко, решили, что они тоже лишены покровительства закона, и больше уже ни на что не надеялись.

Тем временем, пользуясь отсутствием отца, их навестил Джакомо и привел с собой своего друга, аббата по фамилии Гуэрра; то был молодой человек лет двадцати пяти – двадцати шести, принадлежавший к одному из самых знатных римских родов, обладавший пылким, решительным и отважным нравом, а что касается внешности, то молва о его красоте была на устах всех женщин. У него были крупные римские черты лица, поразительно ласковые синие глаза, длинные светлые волосы и при этом темно-русые борода и брови; добавьте к этому обширные знания, обаятельное природное красноречие, проникновенный мягкий голос, и вы будете иметь представление об аббате Гуэрре.

Он влюбился в Беатриче с первого взгляда. Девушка тоже прониклась симпатией к красавцу-прелату. Дело происходило до Тридентского собора¹⁶, и духовные лица еще могли вступать в брак. Было договорено, что после возвращения Франческо аббат Гуэрра попросит у него руки дочери, и обе женщины, счастливые отсутствием их господина, строили планы на лучшее будущее.

Месяца через четыре возвратился Франческо, причем никто не знал, что он делал все это время. В первую же ночь он пожелал предаться кровосмесительным забавам с дочерью, однако Беатриче была уже не та: вместо боязливого, покорного ребенка он увидел возмущенную девушку; на нее не действовали ни мольбы, ни угрозы, ни побои: любовь придала ей силы.

Гнев Франческо пал на жену; обвинив ее в том, что она его предала, он жестоко избил ее палкой. Лукреция Петрони была истинной римской волчицей, страстной и в любви, и в мщении; она все вытерпела, но ничего не простила.

И вот спустя несколько дней аббат Гуэрра явился к Франческо Ченчи с намерением просить руки его дочери. Гуэрра был богат, молод, красив, происходил из благородной семьи, так что у него не было никаких сомнений в положительном ответе, и однако Франческо грубо выпроводил его. Тем не менее отказ не обескуражил молодого человека, он возобновил попытку еще раз, а затем и в третий, доказывая все преимущества этого брака. Наконец потерявший терпение Франческо объявил, что есть одна важная причина, по которой Беатриче никогда не станет женой Гуэрры, равно как и ничьей другой. Гуэрра поинтересовался, что же это за причина, и Франческо ответил:

– Потому что она моя любовница.

Услышав такой ответ, монсеньор Гуэрра побледнел и поначалу не хотел верить, однако, увидев, какой улыбкой Франческо Ченчи сопроводил свои слова, понял: это правда, как она ни чудовищна.

Три дня понадобилось Гуэрре, чтобы проникнуть к Беатриче, и наконец он увиделся с нею. Он еще надеялся, что Беатриче скажет, что отец солгал, однако она ничего не стала отрицать. С этой минуты для влюбленных не осталось никакой надежды: их разделила непреодолимая пропасть. Молодые люди расстались в слезах, поклявшись вечно любить друг друга.

Между тем обе женщины еще не приняли никакого преступного решения, и, возможно, все так бы и пошло без шума и огласки, если бы однажды ночью Франческо не вошел в комнату к дочери и вновь не принудил силой к греху кровосмешения. Тем самым он подписал себе приговор.

---

¹⁶ *Тридентский собор* – вселенский собор католической церкви, заседавший в 1545–1563 гг. в г. Тренто (лат. Тридентум), на котором были проведены значительные церковные реформы.

Мы уже говорили, Беатриче принадлежала к существам, способным и на самые темные, и на самые светлые чувства, она могла вознестись и на вершины добра, и пасть в бездну зла. Она обратилась к мачехе и поведала ей о новом осквернении, жертвой которого стала; рассказ напомнил Лукреции, как муж избил ее, и обе женщины, наперебой растравляя обиды друг друга, решили убить Франческо.

На совет относительно убийства позвали Гуэрру. Сердце его было исполнено ненависти, он думал только о мести. Гуэрра вызвался привести Джакомо Ченчи, без которого женщины не соглашались приступить к решительным действиям, поскольку он, как старший сын, был главой семьи. Джакомо Ченчи сразу же согласился вступить в заговор. Как помнят читатели, некогда Джакомо сам страдал от отца; впоследствии он женился, и неумолимый старик оставил его вместе с женой и детьми в бедности. Для обсуждения подробностей были выбраны апартаменты монсеньора Гуэрры. Джакомо нашел одного сбира¹⁷, которого звали Марцио, второго, по имени Олимпио, нашел Гуэрра.

У обоих были причины пойти на преступление: у одного это была любовь, у второго – ненависть. Марцио был в услужении у Джакомо, имел возможность видеть Беатриче, в которую и влюбился; эта, само собой разумеется, безмолвная, безнадежная любовь терзала ему душу. Подумав, что преступление как-то приблизит его к Беатриче, он согласился без раздумий.

Что же касается Олимпио, он ненавидел Франческо, потому что из-за него потерял место кастеляна замка-крепости Рокка Петрелла, находящегося в Неаполитанском королевстве и принадлежащего князю Колонна. Почти каждый год Франческо Ченчи с семейством проводил несколько месяцев в Рокка Петрелле: князь Колонна, высокородный и блистательный вельможа, частенько испытывал нужду в деньгах и находил их в кошельке Франческо, а посему был весьма предупредителен к своему другу. Франческо, имевший какие-то причины для недовольства Олимпио, пожаловался на него князю Колонна, и Олимпио прогнали.

И вот к какому пришли решению после неоднократных встреч и обсуждений, в которых участвовали обе женщины, Джакомо, Гуэрра, Марцио и Олимпио, и каждый высказал свое мнение.

Приближалась пора, когда Франческо Ченчи обычно уезжал в Рокка Петреллу; было решено, что Олимпио, прекрасно знающий те места, наберет дюжину разбойников; получив весть, что Франческо выехал, они спрячутся в придорожном лесу, нападут и захватят его вместе со всем семейством. Затем, договорившись о большом выкупе, детей отпустят в Рим собрать деньги, однако те изобразят дело так, будто денег не смогли найти, пропустят установленный разбойниками срок, и Франческо убьют. Таким образом подлинные убийцы уйдут из-под подозрения и избегнут кары.

Однако прекрасно продуманный замысел не удался. Когда Франческо выехал из Рима, посланец заговорщиков не сумел найти разбойников, те, не получив вовремя предупреждения, не смогли исполнить уговор и слишком поздно спустились с гор на дорогу. К тому времени Франческо уже проехал и, целый и невредимый, прибыл в Рокка Петреллу. Разбойники, безрезультатно прождав в укрытии, сообразили, что добыча от них ускользнула, и, не желая более оставаться в местности, где пробыли уже почти неделю, сочли за лучшее поискать более верное дело.

Поселившись в крепости, Франческо, дабы беспрепятственно тиранить женщин, отослал в Рим Джакомо вместе с двумя другими еще оставшимися в живых сыновьями. После этого он опять возобновил гнусные посягательства на Беатриче, причем столь настойчиво, что она приняла решение сама совершить то, что прежде хотела исполнить чужими руками.

Олимпио и Марцио, которым нечего было бояться правосудия, продолжали бродить в окрестностях; однажды Беатриче увидела их из окна и дала знак, что хочет им кое-что сооб-

---

¹⁷ *Сбир* в итальянском языке имеет два значения: полицейский и, как в данном случае, наемный убийца.

щить. Ночью Олимпио, который некогда был кастиляном крепости и знал все ходы-выходы в ней, проник туда вместе со своим сотоварищем. Беатриче ждала их у окошка, выходящего в один из уединенных двориков; она передала им письма к монсеньору Гуэрре и Джакомо. Джакомо должен был, как и в первый раз, подтвердить свое согласие на убийство отца, без этого Беатриче не хотела ничего предпринимать. Монсеньор Гуэрра должен был уплатить тысячу пиастров, половину суммы, причитающейся Олимпио, ну а Марцио действовал из любви к Беатриче, перед которой он благоговел, как перед Мадонной; видя это, девушка подарила ему алый плащ, обшитый золотым галуном, и велела носить его, ежели он любит ее. Остаток же суммы женщины намеревались уплатить после смерти старика, когда вступят во владение его состоянием.

Сбиры уехали, и пленницы с тревогой стали ждать их возвращения. В условленный день Олимпио и Марцио вернулись. Монсеньор Гуэрра дал тысячу пиастров, а Джакомо – согласие. Итак, ничто не препятствовало исполнению чудовищного замысла, и уже была назначена дата – восьмое сентября, день Рождества Пресвятой Богородицы, но синьора Лукреция, будучи весьма набожной, обратила внимание на это обстоятельство и не захотела совершать двойной грех, так что все было передвинуто на девятое.

И вот 9 сентября 1598 года женщины, ужиная со стариком, подлили ему в бокал опиума, причем так ловко, что при всей своей подозрительности он ничего не заметил, выпил снотворный напиток и вскоре заснул глубоким сном.

Марцио и Олимпио были в крепости, они прятались в ней всю прошлую ночь и весь день, поскольку, как помнят читатели, убийство было назначено на предыдущий день и тогда же и произошло бы, если бы не религиозная щепетильность синьоры Лукреции Петрони. Около полуночи Беатриче вывела убийц из их укрытия и впустила в спальню отца, собственной рукой распахнув перед ними дверь. Убийцы вошли, а женщины остались ждать в соседней комнате.

Через несколько секунд сбиры вышли бледные и растерянные; не произнося ни слова, они отрицательно покачали головами, и женщины поняли – ничего не сделано.

– В чем дело? – спросила Беатриче. – Что остановило вас?

– То, что убивать спящего старика – подлость. Мы подумали про его возраст и почувствовали жалость.

Беатриче презрительно вскинула голову и глухим, сдавленным голосом выбрала их:

– Вы, мужчины, притворяющиеся храбрыми и сильными, побоялись убить спящего старика! А что было бы, если бы он проснулся? И за это вы еще берете у нас деньги! Что ж, ваша трусость придала мне силы, и я сама убью своего отца, но помните, вы ненамного переживете его.

После таких слов сбиры устыдились своей слабости и, сделав знак, что исполняют обещанное, вошли в спальню в сопровождении обеих женщин. Лунный свет падал в открытое окошко на безмятежное лицо спящего старика, чьи седины совсем недавно вынудили убийц отступить от задуманного.

Но на сей раз они подавили в себе жалость. Один из них держал два больших гвоздя наподобие тех, какими воспользовались при распятии Христа, а второй – молоток; первый вертикально приставил гвоздь к глазу Франческо, второй ударил по нему молотком, и гвоздь вошел в голову. Еще один гвоздь они вбили в горло, и душа Франческо, отягченная множеством грехов, которые он совершил в жизни, стремительно и неистово вырвалась из тела, конвульсивно дергавшегося на полу, куда оно скатилось.

После этого Беатриче, верная слову, вручила сбирам туго набитый кошелек с остатком условленной платы и отпустила их.

Как только Олимпио и Марцио ушли, женщины вырвали гвозди из ран, завернули труп в простыню и через все комнаты потащили к небольшой терраске, откуда намеревались сбросить его в заброшенный сад. Тем самым они надеялись создать впечатление, будто старик погиб,

пойдя среди ночи в нужник, расположенный на другом конце галереи. У дверей последней комнаты силы оставили их, они решили минуту передохнуть, и тут Лукреция увидела обоих сбиров, которые еще не успели уйти и делили деньги. Она позвала их на помощь; Марцио и Олимпио перетащили труп на террасу и с места, указанного Беатриче, сбросили труп в заросли бузины, где он и застрял в ветвях.

Все получилось так, как и предвидели Беатриче и ее мачеха; утром обнаружили труп, застрявший в ветвях бузины, и все решили, что Франческо оступился на террасе (на ней не было парапета), упал и убился. На теле у него было множество ран, и никто не обратил внимания на те, что оставлены были гвоздями. Женщины, как только им сообщили эту весть, выбежали, издавая горестные вопли и заливаясь слезами, так что если у кого-то и могли возникнуть подозрения, столь неподдельное и глубокое горе тут же должно было их рассеять; но подозрений ни у кого и не появилось, если не считать замковой прачки: Беатриче дала ей постирать простыню, в которую был завернут труп Франческо, сказав, что ночью у нее случилось сильное кровотечение, отчего и запахла простыня. Прачка то ли поверила ей, то ли сделала вид, будто поверила; во всяком случае, тогда она ни словом не высказала ни сомнения, ни удивления. Прошли похороны, и женщины без всякой спешки возвратились в Рим, где собирались наконец-то зажить спокойной жизнью.

И пока они жили без страхов, хотя, возможно, и не без угрызений совести, начало свое дело правосудие Божие. Суд Неаполя узнал о скоропостижной и неожиданной смерти Франческо Ченчи и, заподозрив, что она была насильственной, направил в Петреллу королевского комиссара с приказанием произвести эксгумацию тела и отыскать на нем следы убийства, ежели таковое действительно имело место. По прибытии комиссара все обитатели замка были арестованы и в цепях препровождены в Неаполь. Однако никаких улик обнаружено не было, кроме показаний прачки, которая заявила, что Беатриче дала ей постирать простыню, запачканную кровью. И однако это была страшная улика, так как прачка, спрошенная, верит ли она по совести и чистосердечно, что происхождение пятен именно таково, какое ей назвала Беатриче, ответила, что не верит, поскольку для этой причины пятна ей показались слишком яркими и слишком красными.

Показания ее были отосланы в римский суд, но, разумеется, их оказалось недостаточно, чтобы арестовать семейство Ченчи. Прошло несколько месяцев, и никто их не тревожил. За это время умер младший сын Франческо Ченчи. Из пяти братьев в живых оставались только Джакомо, старший, и Бернардо, предпоследний. Несомненно, они могли бы спастись, бежать в Венецию или Флоренцию, но это им даже в голову не приходило, и они продолжали жить в Риме, ожидая развития событий.

Тем временем монсеньор Гуэрра узнал, что люди видели, как Марцио и Олимпио бродили в окрестностях крепости в дни, предшествовавшие убийству Франческо Ченчи, и что неаполитанская полиция получила приказ арестовать их.

Монсеньор Гуэрра был человеком чрезвычайно осторожным, и ежели он оказывался вовремя предупрежден, его трудно было захватить врасплох. Он послал двух сбиров, поручив им убить Марцио и Олимпио. Тот, кому был поручен Олимпио, настиг его в Терни и честно заколол кинжалом, как было велено, но тот, что должен был убить Марцио, к сожалению, прибыл в Неаполь слишком поздно: днем раньше убийца попал в руки правосудия.

Подвергнутый пытке, Марцио во всем признался.

Его показания также были отосланы в Рим, куда вскорости был препровожден и он сам – для очной ставки с теми, кого он обвинял. Одновременно был отдан приказ об аресте Джакомо, Бернардо, Беатриче и Лукреции; поначалу местом заключения им был назначен дворец отца, где их стерегла сильная полицейская стража. Но улики становились все более и более тяжкими, и их перевели в замок Корте Савелла; там были проведены очные ставки с Марцио, однако они решительно отрицали не только свою причастность к преступлению, но даже знакомство

с убийцей; замечательное самообладание выказала Беатриче: она попросила, чтобы ей первой устроили ставку с Марцио, и спокойно, с достоинством заявила, что доносчик лжет, и тогда молодой человек, видя, как она прекрасна, принял решение, уж коль он не может посвятить себя служению ей, хотя бы спасти ее ценою своей жизни. Он объявил, что все его показания были ложью и что он просит за это прощения у Бога и у Беатриче; ни угрозы, ни пытки с той поры не смогли вырвать у него других показаний; Марцио умер в муках, но продолжал молчать. Ченчи уже были уверены, что им удалось спастись.

Однако Господь своей благой волей решил иначе. Примерно в это же время был за какое-то преступление арестован сбир, убивший Олимпио. Поскольку у него не было причин одни преступления скрывать, а другие нет, он признался, что был нанят монсеньором Гуэррой избавить его от кое-каких неприятностей, которые мог причинить нанимателю некий убийца по имени Олимпио.

К счастью, монсеньор Гуэрра вовремя узнал об этом, а так как был он человеком весьма умным и ловким, то не стал предаваться страхам и впадать в отчаяние, как это сделал бы на его месте кто другой; как раз в то время, когда ему передали это сообщение, у него находился угольщик, снабжавший его дом углем; Гуэрра пригласил угольщика к себе в кабинет и первым делом вручил крупную сумму как плату за молчание, затем приобрел – на вес золота – старые, грязные отрепья, в которые был одет угольщик, обрезал свои чудесные волосы, за которыми так следил, перекрасил бороду, измазал лицо сажей, купил двух ослов, нагрузил их корзинами с углем и, изображая хромоту, пошел по римским улицам, крича: «Угля! Кому угля!» И покуда стража, сбившись с ног, искала его, он выбрался из города, встретил отряд наемных солдат, присоединился к ним и добрался до Неаполя, где сел на корабль. Что стало с ним дальше, неизвестно. Правда, некоторые говорят, но без всякой уверенности, будто он добрался до Франции и вступил там в швейцарский полк, состоявший на службе у Генриха IV.

Признания сбира и исчезновение монсеньора Гуэрры не оставили больше никаких сомнений в виновности Ченчи. Вследствие этого они были переведены из замка в тюрьму; оба брата, подвергнутые пытке, не нашли в себе сил молчать и признали себя виновными. Лукреция Петрони была настолько тучной, что не смогла вынести допроса на виске: чуть только ее оторвали от земли, как она взмолилась, чтобы ее отпустили, и рассказала все, что знала.

Что же касается Беатриче, она проявила исключительную твердость: ни обещания, ни угрозы, ни допрос с пристрастием ничего не смогли поделать с этим крепким и живучим организмом, она с потрясающим мужеством все отрицала, и судья Улиссе Москати, человек весьма опытный в подобных делах, не сумел вырвать у нее ни единого слова, кроме тех, что она хотела сказать. Не решаясь брать на себя ответственность в столь чудовищном деле, он доложил обо всем Клименту VIII, и папа, опасаясь, как бы Москати, соблазненный красотой обвиняемой, которую ему приходится допрашивать, не проявил слабости в применении пыток, отстранил его и передал дело другому следователю, известному своей непреклонной твердостью.

Новый судья возобновил всю процедуру, касающуюся Беатриче, проверил все предшествовавшие допросы и, обнаружив, что она подвергалась только обычному допросу с пристрастием, распорядился применить к ней и обычную, и чрезвычайную пытки, каковой, как мы уже упоминали, была пытка на виске, самая ужасная из всех, какие только придумал человек, становящийся весьма изобретательным, когда дело касается мучений.

Но поскольку слова «допрос на виске» не дают читателю достаточно ясного представления о самой пытке, мы войдем в некоторые подробности на этот счет, а затем приведем протоколы отдельных эпизодов процесса, хранящиеся в Ватикане.

В Риме в ходу были самые разные пытки, но чаще всего применялись пытки свистульками, пытка огнем, пытка бессонницей и пытка на виске.

Пытка свистульками, самая мягкая из всех, применялась только к детям и старикам; состояла она в том, что под ногти допрашиваемому загоняли тростинки, срезанные наискось, как концы свистуллек.

Пытка огнем была самой распространенной, пока не придумали пытку бессонницей, и заключалась в том, что ноги преступника держали над большим огнем, примерно так, как это делали наши «поджариватели»¹⁸.

При пытке бессонницей, изобретателем которой был некий Марсилиус, обвиняемого усаживали на остроугольную «кобылу» высотой пять футов, руки его привязывали за спиной к «кобыле»; по бокам у него садились два человека, сменявшиеся каждые пять часов, которые расталкивали его, стоило ему закрыть глаза. Марсилиус утверждал, что не видел ни одного человека, который сумел бы устоять перед этой пыткой, но он несколько прихвастнул. Хронисты констатируют, что из ста обвиняемых, подвергнутых пытке бессонницей, не признались лишь пятеро. Но и такой результат весьма лестен для изобретателя.

И наконец, пытка на виске, употреблявшаяся чаще других и известная во Франции под названием дыба.

У этой пытки было три степени: легкая, тяжелая и весьма тяжелая.

Первая степень, или легкая пытка, состояла в самом страхе перед пыткой: обвиняемому грозили, что его станут пытать, приводили в застенок, раздевали, связывали веревкой руки, как если бы намеревались приступить к пытке. Помимо страха, вызванного этими приготовлениями, производила действие и незначительная боль в связанных запястьях. Иногда оказывалось достаточно первой степени, чтобы заставить женщин и слабодушных мужчин признаться в свершении преступления.

Вторая степень, или тяжелая пытка, заключалась в следующем: раздетому донага обвиняемому связывали руки за спиной, а веревку продевали во вбитое в потолок кольцо и привязывали к вороту, с помощью которого пытаемого можно было поднимать и опускать, причем делалось это медленно или рывком – как распорядится судья. Подняв, его оставляли висеть, чтобы он не касался ногами пола, на время, за которое можно прочесть «Pater noster», «Ave Maria» или «Miserere»¹⁹. Ежели он и после этого не признавался, его подвешивали снова. Этой пыткой второй степени завершался обычный допрос, который производился в тех случаях, когда преступление было возможно, но не доказано.

Пытка третьей степени, или весьма тяжелая, которой начинался чрезвычайный допрос, проходила так: после того как допрашиваемый провисел четверть часа, полчаса, три четверти часа или даже целый час, палач начинал его то ли раскачивать наподобие колокола, то ли отпускал вниз и вдруг резко останавливал на некотором расстоянии от пола; если обвиняемый выдерживал и не признавался, что было делом неслыханным, так как вследствие этой пытки у него оказывались вывернутыми суставы, да и веревка, стягивающая запястья, врезалась до кости, к ногам ему привязывали груз, что, увеличивая его вес, усиливало и мучения. Последняя пытка применялась в тех случаях, когда преступление было не только доказано, но и направлено против особ священных, как то: отец, кардинал, монах или ученый.

Читателю уже известно, что Беатриче была подвергнута обычному и чрезвычайному допросу, известно и в чем они состояли, а теперь дадим слово писцу, ведшему пыточные записи.

«Понеже в течение всего допроса она не желала ни в чем признаться, двум стражникам было велено препроводить ее из тюрьмы в пыточную камеру, в каковой ее ждал палач; там, после того как ей обрили волосы, палач усадил ее на низкую скамью, раздел, разул, связал руки

---

¹⁸ Разбойники времен Великой французской революции; они жгли своим жертвам ноги на огне.

¹⁹ Названия католических молитв, которым соответствуют православные «Отче наш», «Богородица, Дево, радуйся» и «Помилуй мя, Боже».

за спиной, привязал к веревке, проходящей через блок, закрепленный в потолке одной камеры, а вторым концом привязанной к вороту, каковой вращается посредством четырех рукоятей двумя мужчинами.

И прежде чем подтянуть, мы вновь спросили ее на предмет вышеупомянутого отцеубийства, однако вопреки представленным ей признаниям брата и мачехи, каковые признания те подписали, она упорно все отрицала, говоря: «Подвесьте меня и делайте со мной все, что желаете, я вам сказала правду и ничего иного не скажу, даже если меня разрубят на части».

Вследствие чего мы приказали подтянуть ее за руки, связанные вышеупомянутой веревкой, на высоту около двух футов и оставили так на время, пока читали «Pater noster», после чего опять же спросили относительно событий и обстоятельств названного отцеубийства, но она не пожелала сказать ничего, кроме того, что уже сказала, не произнося иных слов, опричь нижеследующих: «Вы убиваете меня! Вы убиваете меня!»

Мы распорядились подтянуть ее выше, а именно до высоты четырех футов, и начали читать «Ave Maria». Но посередине нашей молитвы она прикинулась, будто обмерла.

Мы велели плеснуть ей в лицо ведро воды, после чего она пришла в себя и закричала: «Боже мой! Смерть моя пришла! Вы убиваете меня! Боже мой!» – ничего же иного ответить не захотела.

Тогда мы приказали поднять ее еще выше и стали читать «Miserere», она же, вместо того чтобы присоединиться к нашей молитве, дергалась и вскрикивала, произнося неоднократно: «Боже мой! Боже мой!»

Спрошенная вновь относительно названного отцеубийства, не пожелала ничего признать, утверждая, что невиновна, а через несколько секунд обмерла.

Мы приказали снова облить ее водой, после чего она пришла в себя, открыла глаза и вскричала: «Проклятые палачи, вы убиваете меня! Убиваете меня!» – опять же не пожелала сказать ничего иного.

Видя таковое ее упорство в отрицании вины, мы приказали палачу произвести встряску.

Во исполнение палач подтянул ее на высоту десять футов, и мы попросили ее, подвешенную на таковой высоте, сказать нам правду, но то ли оттого, что она лишилась дара речи, то ли оттого, что не желала говорить, она в ответ покачала головой, что означало либо невозможность, либо нежелание отвечать.

Видя то, мы дали палачу знак отпустить веревку, и она всем своим весом упала с высоты десяти футов до высоты двух футов, от какового сотрясения у нее вывернулись руки; она громко возопила и сомлела, оставшись висеть как мертвая.

Мы приказали плеснуть ей в лицо воды, она пришла в себя и снова крикнула: «Гнусные мучители, вы убиваете меня, но даже если вырвете мне руки, я ничего другого вам не скажу!»

Вследствие этого мы приказали привязать ей к ногам груз в пятьдесят фунтов. Однако в этот момент растворилась дверь, и несколько голосов закричали: «Довольно! Довольно! Не заставляйте ее так долго мучиться...»

То были голоса Лукреции Петрони, Джакомо и Бернардо Ченчи. Судьи, видя упорство Беатриче, распорядились провести очную ставку обвиняемых, не видевшихся друг с другом уже пять месяцев.

Братья и мачеха вошли в застенки и увидели Беатриче, висящую с вывернутыми руками на дыбе и покрытую кровью, которая сочилась у нее из запястий.

– Мы совершили грех, – крикнул ей Джакомо, – и теперь надо покаяться, чтобы спасти душу, с чистым сердцем принять смерть, а не подвергать себя таким мучениям!

Покачав головой, словно бы для того, чтобы умерить боль, Беатриче промолвила:

– Значит, вы хотите умереть? Что ж, раз вы этого хотите, пусть так оно и будет.

После этого она повернулась к стражникам и сказала:

– Развяжите меня и прочтите мне вопросы. То, что я по совести должна признать, я признаю, то же, что должна отрицать, буду отрицать.

После этого Беатриче опустили и развязали; цирюльник обычным способом вправил ей руки, затем, как она и просила, прочли вопросы, и она, исполняя данное обещание, во всем призналась.

После признания Беатриче их всех по просьбе братьев поместили в одной тюрьме, однако на следующий день Джакомо и Бернардо перевели в казематы Тординоне, а женщины остались там, где были.

Папа, прочтя признания, содержавшие все подробности преступления, исполнился столь великим негодованием, что приказал привязать преступников к хвостам необъезженных коней и протащить по улицам Рима. Однако такой суровый приговор вызвал всеобщее возмущение; множество самых влиятельных особ, кардиналов и князей на коленях умоляли святого отца отменить решение или хотя бы позволить приговоренным защищаться.

– А они, – спросил Климент VIII, – дали своему несчастному отцу возможность защищаться, когда бесчестно и безжалостно убивали его?

Наконец, уступая мольбам, он согласился на трехдневную отсрочку.

Тотчас же за это дело, так взволновавшее всех, взялись самые лучшие и самые знаменитые римские адвокаты; они принялись строчить прошения и заключения и в день, названный для суда, предстали перед его святейшеством.

Первым выступал Никколо дельи Анджели и уже с самого начала своей речи, во вступлении, был так красноречив, что вызвал волнение среди собравшихся, по которому стало ясно, что они на стороне обвиняемых. Ужаснувшись этому, папа неожиданно остановил его.

– Выходит, – негодуя произнес он, – ежели среди дворянства найдется человек, который убьет своего отца, то и среди адвокатов сыщутся люди, которые станут его защищать? Мы никогда не поверим в это и даже допустить подобную мысль не можем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.